

Н. В. ГИНЫКУТ

**ЧАШКА-ЕВЛОГИЯ XIV В. ИЗ РАСКОПОК ХРАМОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО**

Поливная керамика принадлежит к числу наиболее ярких памятников материальной культуры, встречающихся во время раскопок средневековых поселений. Среди археологического материала она занимает едва ли не лидирующее место. Ее широко использовали не только в повседневном светском, но и в церковном обиходе, в том числе и в качестве евлогий. Такие памятные вещи известны на византийских памятниках, например, в Херсонесе (Яшаева 2005: 202, 203, 13 аб, б). Встречены они и среди массового археологического материала гетуэзской крепости Чембало, расположенной у входа в Балаклавскую бухту и захваченной лигурийцами в середине XIV столетия (Гинькут 2005: 20–27; Адаксина, Мыц 2008: 6; Мыц 2009: 6). В результате десятилетних раскопок открыты башни восточной оборонительной линии, здания в консульском замке и цитадели, а также несколько небольших храмов. Руины одного из них находятся на вершине горы, к юго-западу от донжона и представляют собой двухнефную, двухапсидную церковь, возведенную в два этапа. Исследователи объекта, С. Б. Адаксина, В. П. Кирилло, В. Л. Мыц, датируют строительство памятника второй половиной — третьей четвертью XV столетия. Первоначально был сооружен основной храм с прямоугольным в плане наосом и полукруглой апсидой (т.н «северный неф»), спустя некоторое время был пристроен второй неф, по мнению авторов раскопок: «с целью совершення погребений членов отдельной семьи». Среди археологического материала из исследованного комплекса наше внимание привлекла небольшая чашка-пиала из погребения № 11 в основной части храма (Адаксина, Мыц 2008: 9–11, 77–79).

Чашка (НЗХТ КО 2/37516) (Рис. 1, 2) имеет полусферическую форму, с тонкими стенками, прямым венчиком, и профилированным кольцевым поддоном с вогнутым во внутрь дном выполнена из красной глины (10R 5/8; 2.5YR 5/8), плотных формовочных масс с равномерным добавлением кварцевого песка (20–30%) (среди видимых при-

месей)¹; покрыта с двух сторон светло-зеленой поливой по ангобной подгрунтовке. Диаметр венчика — 12 см, дна — 5, высота — 5 см. Сосуд относится к группе чашек для питья. Орнаментальная композиция покрывает полностью внутреннюю поверхность и выполнена в сочетании популярных в XIV столетии в византийском регионе техник «sgaffito» «champlevé». Она двучастная. В центральном медальоне изображен равноконечный крест, дополнительно орнаментированный четырехлепестковой розеткой и пунсоном по краю, имитируя металлические изделия. Поле сосуда украшено пятилепестковой розеткой, между лепестками которой расположены кресты в ромбах. Сами лепестки заполнены цепью-пирамидкой из 3-х звеньев и штриховым орнаментом. Внешняя поверхность пиалы декорирована вертикальными каннелюрами, выполненными тройными линиями. (Рис. 1, 2) Все эти элементы связаны непосредственно с христианской символикой и встречаются в декоративном оформлении византийских храмов, изделиях из металла, поливной византийской керамики более раннего времени (The Glory of Byzantium Art 1997: 58–59, № 22, 23; 162–163, № 110; Tetereriatnikov 1998: 236, 7; Byzantine Glazed Ceramics 1999: 83, № 90; 204–205, № 233–235). Повторяющийся на чашке крест в ромбе характерен для византийской поливной керамики на протяжении с X по XIV вв. (Якобсон 1959: 358, 187 (2); Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова 1991: 128, № 133; The Glory of Byzantium Art 1997: 263, № 185; Byzantine Glazed Ceramics 1999: 47, № 33; 54–55, № 43–45) и обозначает «символ божественного покровительства, распространяемого на четыре стороны света» (Залеская 1998 а: 229). Сходство штрихового орнамента поля, а также полукружия с цветочной декорированием сосудов, мы наблюдаем и на вещах, связанных с христианской жизнью: на знамени византийском Сионе XII в. из ризницы Собора Св. Марка в Венеции, на ампуле пилигрима XIII в.

¹ Цвет глины и поливы дан по Munsell Soil Color Chart — Year 2000 Revised Edition; New Windsor.

(The Glory of Byzantium 1997: 169, 250–251, № 118, 176) Поэтому весь декор чаши говорит нам о ее особом предназначении.

Своеобразна профилировка поддона сосуда — со слегка вогнутым во внутрь дном. (Рис. 1). Подобная керамика не имеет широкого распространения в византийском регионе. Две пиалобразные чаши с аналогичной профилировкой дна нам известны из раскопок Фессалоник; они датируются XIV столетием и их декор также содержит христианские символы (Byzantine Glazed Ceramics 1999: 96, № 110/111; Dark 2001: 136–137, 65.C, D). Три поливных сосуда с близким поддоном были найдены в Монкастро (Кравченко: 1986, с. 113, 43.12,18), также три непосредственно были обнаружены и на крепости Чембало с византийской поливой XIV в. (К/О 7/37426; 11/37555; НВФ 1190/96) (Адаксина, Мыц, Ушаков 2010: 98, 197 (№ 96)). Они также импортного производства (их формовочные массы содержат песочные примеси), но декорировка этих находок не имеет христианской символики. Поэтому сама форма дна на рассматриваемой чашке, не характерная для византийской поливной керамики Палеологовского времени, вероятнее всего, являлась подражанием для византийских центров XIV в. сосудам импортного производства или же своеобразной попыткой мастера подчеркнуть центральную часть орнамента. Но в керамике на территории Византии этот технологический прием не получил широкого распространения, поэтому находки византийских чаш с такой профилировкой дна единичны. В пользу XIV столетия говорят нам элементы оформления нашей чашки из двухапсидного храма. Например, крест в ромбе, цепь из 3-звеньев, пунсон, штриховой орнамент находят себе аналогии на синхронной по времени (XIV в.) обычной поливной керамике Византии (в том числе Константинополя, Фессалоник) (Кравченко 1991: 117, 4.4; Spiesser 1996: 43, 38.№ 390; Berti 1997: 106–109, Tav. 62, 63.b1,65, 66.8, 67, 84, 85, fig. 55, 56; Масловский: 2006, 397. 35.4,9,10; Waksman, Erhan, Eskalen 2009: 457–467, 4.IST 70, 5.IST 75; Byzantine Glazed Ceramics 1999, 230–231, № 268, 269; Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова 1991: 159, 162, 180, 188, 194, 195, № 167, 170, 190, 199, 207, 208).

О месте производства нашей чаши судить очень сложно, поскольку для конца XIII — XIV столетий характерно существование множества керамических центров на территории Византийской империи (как непосредственно в Малой Азии, так и в Греции) (Byzantine Glazed Ceramics 1999, 158), мы можем говорить об особенностях стиля,

характерного для определенного времени и региона. Исследователи двухапсидного храма крепости Чембало, С. Б. Адаксина и В. Л. Мыц, склоняются в пользу производства Константинополя (Адаксина, Мыц 2008: 30). Учитывая, что находки посуды со столь специфическим поддоном были обнаружены пока лишь в нескольких местах (Фессалониках, Монкастро и у нас в Чембало), можно предположить пока лишь наличие единичных центров производства такой посуды, возможно в районе Фессалоники или Южного Понта (например, Константинопольский регион), торговые и культурные отношения с которыми тесно поддерживались Северным Причерноморьем. В пользу этого говорят нам элементы декора посуды (орнамент и техника его исполнения), характерные для продукции обжигательных печей этих регионов данного периода. (Byzantine Glazed Ceramics 1999, 204–207, № 233–237; Waksman, Erhan, Eskalen 2009: 458–466, fig. 3, IST 53, IST 57, IST 61).

Особый статус нашей чашки с крестом подчеркивает и топография находки. Она была обнаружена в одной из центральных могильных ям, вырубленных в скале, и сопровождала похороненную в ней женщину 35–40 лет с врожденными физиологическими патологиями: дисфункцией опорно-двигательного аппарата, левое предплечье короче правого, грудина женщины искривлена, вследствие чего подвижность ее была затруднена (Потехина 2008: 32–39). Сопроводительного материала за исключением этого сосуда при погребенной не было, что нам свидетельствует о ее аскетизме, хотя на территории крепости встречены захоронения даже с украшениями (Адаксина, Мыц, 2007: 34; Адаксина, Мыц: 2011: 36, 55–56). Чаша же была положена на грудь женщины дном вверх, т.е. крестом вниз, в месте расположения креста-тельника. В последующем при подзахоронении она оказалась на подбородке погребенной. Находка сосуда с крестом в месте расположения креста-тельника относится к группе единичных, если не единственных. Такое необычное положение сосуда еще раз нам указывает на значимость его для усопшей. Поливная керамика в Византийской империи использовалась не только в качестве столовой посуды и декоративного оформления, но и в сакральных целях. Нам известны небольшие полихромные иконки, отдельные чаши и даже блюда — евлогии (Залеская: 1998, 100, Яшаева 2005, 203), а также характерные для Палеологовской керамики сосуды-обереги с монограммами святых, многие из них продавались непосредственно у паломнических мест или же на ярмарках у храмов, посвященных Святым по-

кровителям городов (например, в ежегодно проходившие праздники в честь Св. Димитрия в Фессалониках, рядом с одной из церквей, вероятно всего, распространялась поливная керамика с изображением голубя и пальмовой ветви из местной прицерковной мастерской) (Paranikola-Bakirtzis, 1987: 195, 202; Гинькут 2005: 24–25). Паломничество в период средневековья зачастую совершалось с целью скорейшего выздоровления, причем часто к монастырским центрам, прославившимися своими монахами-медиками, могилам святых. (Арнаутова 2004:168–169, 186–187, 350–351, 352–353). И особое магическое значение в процессе лечения на бытовом уровне играл культ креста, амулеты с его изображением, вода, освященная не только священнослужителем, но и опущенным в нее крестом или реликвиями (Арнаутова 2004: 232–234, 272, 312–313, 352). Возможно, наша погребенная женщина совершила в свое время паломничество, надеясь на исцеление своего врожденного недуга. Поскольку двигаться ей было очень тяжело, то ее маршрут мог пролегать лишь на небольшие расстояния, доступные морским путем, т.е. Фессалоники, или же в Южный Понт (возможно, Константинополь), где и мог быть приобретен этот сосуд для питья с христианской символикой и обладающий магической силой исцеления.

Наличие сосудов в христианских погребениях Крыма было широко распространено в раннесредневековый период. В последующем этот обычай исчезает, и начинает появляться в могильниках Крыма лишь на рубеже XIII–XIV столетий. Однако в таких погребениях, наряду с украшениями и деталями костюма, присутствуют сосуды как открытого, так и закрытого типов (чаши, кувшины, горшки). Иногда они с заупокойной пищей и, в основном, не имеют декора, связанного с христианской символикой. Присутствие таких инвентарных захоронений на некрополях исследователи связывают с появлением на территории полуострова новой этнической группы из Кавказского региона — адыгов (Мыц 2009: 217–227). Этот обычай получил широкое распространение и в древнерусских городах, где в погребениях XII–XV вв. присутствует ритуальная посуда, в том числе и поливная (Панова 2004: 155–157, 52). Плитовые захоронения в храмах с поливной керамикой конца XIII–XIV вв. известны и на территории материковой Греции (например, церковь Св. Николая на Афинской агоре) (Т. Leslie Sheard 1997: 544). Подобные погребения есть и на крепости Чембало, например, в церкви св. Николая (Алексеевко, Гинькут, Дьячков 2003: 13, 48, 46;

К/О 15/37372), и в т. н. храме № 3 (Адаксина, Мыц, 2008: с. 20, 23, № 1, рис. 140–141), в Херсоне, в «храме с аркосолиями» (НЗХТ К/О 4/36710 А), но поливные сосуды не имеют орнаментации с христианской символикой. Наиболее близкой среди аналогий нашему погребению, может быть лишь могила № 1 третьей четверти XIII в. часовни квартала Ха из раскопок С. Г. Рыжова в северном районе Херсонеса. Там были найдены так же целые поливные сосуды для питья — пиалообразная чашка и одноручная кружка (Голофаст, Романчук, Рыжов, Антонова 1991: 228, № 246; Рыжов, Голофаст 2000: 261, 8.6; 262, 9.6; Романчук 2003: 76, 62.199). Среди опубликованных материалов квартала отмечается присутствие нескольких поливных сосудов, связанных с христианской тематикой. Некоторые, возможно, как например, фаянсовое блюдо с крестом из Ближневосточного региона, являлись евлогиями (Рыжов, Голофаст 2000: 258, 5.1, 262, 9.6, 263, 1.3). На наш взгляд, погребение № 11 в двухапсидном храме крепости Чембало не несет на себе этнической нагрузки: отсутствуют элементы тризны и какой-либо другой инвентарь, говорящий об этом. Появление пиалы для питья с христианской символикой в захоронении можно объяснить лишь особой значимостью сосуда для погребенной, т.е. памятной евлогией. Практика положения оберега на грудь умершему, чтобы «на том свете ... он ему помог», хотя и не одобрялась церковью, все же существовала в период средневековья. (Арнаутова 2004: 309)

Исследователи двухапсидного храма крепости Чембало, С. Б. Адаксина и В. Л. Мыц, датируют находку достаточно широко 60 гг. XIV -первой половиной XV в. Выше мы уже отмечали, что производство византийских сосудов с подобным декором осуществлялось на протяжении XIV в., и в XV столетие не заходит. Могильная яма прорезала слой нивелировочной подсыпки, находясь под полом первоначального храма, датировку пола, по мнению исследователей, определяют 10 фрагментов поливных сосудов XIV в., а также фрагмент люстровой чаши испанского производства, отнесенной ими ко второй- третьей четверти XV в. (Адаксина, Мыц 2008: 10, 76, 80, 166.1) Однако, поливная керамика из утрамбовки пола — крымского производства и имеет довольно широкую дату с середины XIV столетия вплоть до XV в., а фрагмент люстровой чаши из Испании относится к производству мастерских Валенсии 1350–1400 гг. и датируется по Средиземноморским памятникам XIV столетием (Ray 1999: 53, № III), в Азове- последней

четвертью — концом XIV в. (Масловский 2006 а: 92–95, 2.4), в Крыму второй половиной XIV- началом XV в., впоследствии в регион начитает поступать люстровая керамика других типов (Тесленко 2004: 472–474). Соотнеся возраст погребенной, 35–40 лет, дату выпуска нашей византийской чаши с христианской символикой не позднее конца XIV в., а также фрагмент испанского импорта этого же времени из церкви, можно предположить, что наше погребение № 11, вероятнее всего, было наиболее ранним в храме, и может быть датировано в пределах второй половины- XIV —

рубежа — первой половины XV в. (а не второй половины XV в, как отмечается в отчете). Также и сам храм мог быть построен в этот же период.

В конце хочется еще раз подчеркнуть, что поливная керамика зачастую играла не последнюю роль в религиозной жизни общества и реликвией для человека в христианском средневековом мире могли стать не только иконы, кресты, медальоны с изображениями святых, выполненные из дорогостоящих материалов, но и простые поливные сосуды с христианскими символами.²

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В. Отчет о раскопках «консульской церкви» на территории крепости Чембало в 2002 году. *Архив НЗХТ*. Д. 3588.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 году. — СПб.-Симферополь, 2007.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году. — СПб.-Симферополь, 2008.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 гг. — СПб.-Симферополь, 2010.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2010 году. — СПб.-Симферополь, 2011.
- Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. — СПб., 2004.
- Гинькут Н. В. Изображение птиц на поливной керамике крепости Чембало: техника, декор, символика. *Символ в религии и философии*. — Севастополь, 2005: 19–36.
- Голофаст Л. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г., Антонова И. А. Византийский Херсон. Каталог выставки. — М., 1991.
- Залеская В. Н. Керамические эвлогии X в. в Северном Причерноморье. *Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики*. — Симферополь, 1998: 99–100
- Залеская В. Н. Два образца-энколпия палеологовского времени (Из новых поступлений византийского отделения Эрмитажа). *ВВ 55 (80) Часть 2*, 1998: 227–231.
- Кравченко А. А. Средневековый Белгород-на Днестре (конец XIII–XIV в.). — Киев, 1986.
- Кравченко А. А. Импортная поливная керамика XIII– XIV вв. из Каффы (Собрание Одесского археологического музея). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. — Киев, 1991: 112–117.
- Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика. *Историко — археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. — 21*. — Азов, 2006: 308–473.
- Масловский А. Н. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году. *Историко — археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. — 21*. — Азов, 2006: 92–117.
- Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. — Симферополь, 2009.
- Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. — М., 2004.
- Потехина И. Д. Погребение из центрального нефа двухапсидного храма (№ 2). В *Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2007 году*. — СПб.-Симферополь, 2008: 32–39.
- Романчук А. И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. — Екатеринбург, 2003.
- Рыжов С. Г., Голофаст Л. А. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса. *АДСВ 31*. — Екатеринбург, 2000: 251–265
- Тесленко И. Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму. *Сугдейский сборник 1*. — Киев-Судак 2004: 467–494.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. *МИА 63*. — М.-Л., 1959.
- Яшаева Т. Ю. Амбула св. Мины и карта херсонесских пилигримов. *Sacrum et Profanum I: Культ святых мест в древних и современных религиях*. — Севастополь, 2005: 201–206.
- Berti G. Pisa. La «Maioliche Arcaiche». Secc. XIII–XV (Museo Nazionale di San Matteo). — Firenze, 1997.

² Автор выражает благодарность С. Б. Адаксиной и В. Л. Мыцу (ГЭ, Россия) за возможность использовать материал раскопок, а также И. Б. Гусаковой (НЗХТ, Украина) за помощь в подготовке иллюстраций.

- Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito./ed. by D. Papanicola-Bakirtzi. — Athens, 1999.
- Dark K. Byzantine Pottery.- Tempus, 2001.
- T. Leslie Sheard, Jr. The Athenian Agora: Excavations of 1989–1993. *Hesperia* 66 (4). — 1997: 495–548.
- Papanicola-Bakirtzis D. The Palaeologan Pottery of Thessaloniki. *L'art de Thessalonique et des pays balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle, Recueil des rapports du Ixe Colloque serbo-grec Belgrade, 1985.* — Belgrade, 1987.
- Ray A. Spanish Pottery 1248–1898 with a catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum. — London, 2000.
- Spieser J.-M. Die Byzantinische Keramik aus der Standtgrabung von Pergamon. *Pergamenische Forschungen* 9. — Berlin-New York, 1996.
- Tetereriatnikov N. A Group of Early Churches in Cappadocia: Evidence for Dating. *BB* 55 (80), *Часть 2.* — 1998: 232–237.
- The Glory of Byzantium: art and culture of Middle Byzantine era, A.D. 843–1261/ed. by Helen.C. Evans and Willian D. Wixon. — New York, 1997.
- Waksman S.Y., Erhan N., Eskalen S. Les ateliers de ceramiques de Sirkeci (Istanbul) resultants de champagne 2008. *Anatolia Antiqua. Eski Anadolu, XVII.* — 2009: 458–466.

Н. В. Гинькут

ЧАШКА-ЕВЛОГИЯ XIV В. ИЗ РАСКОПОК ХРАМОВОГО ПОГРЕБЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается небольшая поливная чашка-пиала, найденная в женском захоронении двухапсидного храма крепости Чембало. Декоративное оформление сосуда, топография и условия находки дают возможность атрибутировать ее как евлогию; сопутствующий археологический материал, контекст, возраст погребенной позволяют ее

датировать второй половиной 14-началом 15 столетия, и соответственно корректируют дату возведения храма — не позднее первой половины 15 в. Также отмечается роль поливной керамики в духовной жизни жителей генуэзской крепости Чембало.

Н. В. Гинькут

ЧАШКА-ЄВЛОГІЯ XIV В. З РОЗКОПОК ХРАМОВОГО ПОХОВАННЯ НА ТЕРИТОРІЇ ФОРТЕЦІ ЧЕМБАЛО

РЕЗЮМЕ

У статті розглядається невелика поливна чашка-піала, знайдена в жіночому похованні двухапсидного храму фортеці Чембало. Декоративне оформлення судини, топографія і умови знахідки дають можливість атрибутувати її як Євлогій; супутній археологічний матеріал, кон-

текст, вік похованню дозволяють її датувати другою половиною 14 — початком 15 ст., і відповідно коригують дату зведення храму — не пізніше першої половини 15 ст. Також відзначається роль поливної кераміки в духовному житті мешканців генуезької фортеці Чембало.

N. Ginkut

THE CUP-EULOGIUS OF THE 14TH CENTURY FROM EXCAVATIONS OF TEMPLE BURIAL ON TERRITORY OF FORTRESS CEMBALO

SUMMARY

The small glazed drinking bowl found in a woman's burial of double-apsidal temple of Genoese Fortress Cembalo is considered in the article. The decoration of the vessel, the topography and conditions make it possible to attribute the find as Eulogius. The associated archaeological material,

the context, the age of the buried allows dating the find as the second half of 14th — the beginning of the 15th century. The date of temple construction adjusts accordingly to the first half of the 15th century. The role of glazed ceramics in the spiritual life of Genoese Fortress Cembalo citizens is also noted.

Рис. 1. Чашка-пиала из раскопок храма крепости Чембало (рис.).

Рис.2. Чашка-пиала из раскопок храма крепости Чембало (фото).